

XXVI. Семинар «Функционирование русского языка в юридической сфере и вопросы лингвистической экспертизы»

Дискурсные технологии манипуляции сознанием

Н. В. Бардина

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина)

Суггестия, дискурс, финансовые преступления, судебная лингвистика

Summary. Discourse Technologies of the Manipulation of Consciousness. This paper presents the description of poly-code suggestion system on various levels of organizations of financial crimes.

Доклад основан на оригинальных теоретических разработках и опыте проведения судебных психолингвистических экспертиз организации финансовых «пирамид».

Сами технологии манипуляции сознанием возникли еще в античности, широко использовались во все времена, но были известны только «избранным». В последние годы появилось множество специальных исследований, посвященных средствам суггестии. Вместе с тем на практике при определении состава преступления, которое выражается в незаконном воздействии на подсознание реципиента и может быть квалифицировано как мошенничество, остается много неясного. До сих пор нередко следователи, ведущие подобные дела, убеждены в применении гипноза, адвокаты утверждают, что проведение экспертиз феномена манипуляции должно быть доверено психологам.

Автор этих строк, однако, считает, что только лингвист-прикладник, который использует комплексные приемы исследования системы вербальных и невербальных средств, опираясь при этом на антропоцентрическую модель языка как «дома бытия», способен выявить конкретные технологии организации преступлений.

Сначала необходимо уточнить толкование некоторых терминов.

Обычно в суггестивной лингвистике под термином «манипуляция» подразумевают разновидность скрытого воздействия на сознание и подсознание человека. Вместе с тем, даже учитывая метафоричность данного термина, анализ словарных статей дает возможность установить, что главное в манипуляции – сложность, ловкость в использовании **комплекса разнообразных приемов**. Следовательно, манипуляция может быть открытой, когда только в последний момент обыкновенной беседы человек открывает, что его сознание зашло в тупик (как, например, в беседах софистов), и скрытой, при которой реципиент никак не может понять, каким же образом его заставили сделать то или иное действие. Далее. Манипуляцию обычно считают негативным приемом. Однако без нее не существует ни один политический строй, ни одно квалифицированное средство массовой информации. Полагаем, что об отрицательном характере манипуляции следует судить только по конечному результату.

Понимание манипуляции как системы использования различных – вербальных и невербальных – кодов делает логичным рассмотрение ее в рамках дискурса – языкового существования участников целостного целенаправленного коммуникативного события.

Анализ организации финансовых «пирамид» показал, что, с одной стороны, здесь необходимо выделить иерархичную, «вертикальную» манипуляцию и, с другой стороны, – ситуативную, «горизонтальную».

Вертикальная манипуляция включает 4 уровня. На верхней ступени стоит руководитель, который воздействует на т. н. «менеджеров», которые только частично осознают цели своей деятельности. «Менеджеры» манипулируют «полноправными партнерами», которым при помощи развернутой системы устных семинаров, чтения специальной литературы, ведения дневников, протекающей на фоне финансовой зависимости, стараются снизить до минимума возможность критического осмысления действительности. Низшее звено – «гости» – вообще не подозревают, что их друзья («полноправные партнеры») разговаривают с ними не спонтанно, а пов-

торяют до мельчайших подробностей отрепетированные фразы, жесты, движения. (Например, с целью продемонстрировать дорогие часы, как бы случайно смотрят на них и «спохватываются»: *Я спешу, у меня важная деловая встреча!*)

Горизонтальная манипуляция зависит от четко распланированных ситуаций на каждом из уровней. Сюда входит и встреча руководителя с «менеджерами» до общего семинара, во время которой они вместе могут молиться, соединять «по-мушкетерски» руки и трижды громко отвечать «да!» на вопросы руководителя, и организация общего воскресного семинара, разбитого на эпизоды, и тренировочные семинары, и «случайные» беседы с жертвами.

В качестве основной предпосылки возможности манипулирования можно считать представление человека как **био-социокогнитивной системы**. Изменение сознания жертв происходит путем воздействия на каждую из составляющих.

К биологическим (физиологическим) предпосылкам мы относим, прежде всего, спецификацию полушарий головного мозга. Левое полушарие отвечает за логическое мышление, обработку сложных синтаксических конструкций, нестандартные фразы, рефлексии, обращено в отдаленное будущее и т. д. Правое полушарие отвечает за образное мышление, веру, эмоции, ритм, обрабатывает простые предложения, стереотипы, тексты, существенные, качественные прилагательные, неречевые звуки (смех, плач, аплодисменты, шум, музыку), ориентировано в прошлое, ближайшее будущее.

Средствами манипуляции на этом уровне выступает инaktivация левого полушария и активация правого, «раскачка» полушарий: метафоризация текста, ритмизация на всех уровнях поведения, использование прецедентных феноменов, музыки, смеха, пошаговое разбиение деятельности и т. п.

На социальном уровне акцентируется оппозиция «свой – чужой», эксплуатируется социальная фасилитация, используются квазисинонимы, жаргон, инвективы и т. п. При этом организаторы «пирамид» учитывают социальные факторы при отборе жертв: стараются не привлекать студентов, людей нестандартных профессий. Чаще всего жертвами манипуляций становятся врачи, учителя, бухгалтеры, адвокаты, домохозяйки.

На когнитивном уровне используются сложные приемы «манипуляции числом и мерой» (термин С. Кара-Мурза), активизации фобий, ключевых концептов, архетипов и пр. При этом нами обнаружено, что для русских и украинцев значимы различные концепты и архетипы. Если для носителей русской ментальности важны известные концепты *судьба, душа, тоска* (А. Вежицка), акцентуация онтологических категорий «вещи» и «свойства», архетипы *Правитель, Герой, Бунтарь, Славный Малый*, то для украинцев более значимы концепты *доля, сердце, грех, посадка*, акцентуация категории «отношение», архетипы *Самость, Любовник, Трикстер*.

С одинаковым успехом в различных аудиториях постсоветского пространства используется обращение к паранойальной психиатрической акцентуации сознания (смысловые поля «честность», «чистота», «пространство», «природа», отстройка от негатива, формирование веры в светлое будущее), поскольку именно на эту акцентуацию были нацелены все манипулятивные технологии советского строя.

В докладе приводятся примеры использования этих и других дискурсных технологий в реальных случаях организации финансовых преступлений.

Лингвистика и речеведение в теории экспертизы спорных текстов

Е. И. Галяшина

Московская государственная юридическая академия

Судебная лингвистика, судебное речеведение, речеведческие экспертизы, общая теория судебной экспертизы

Summary. The paper is devoted to methodological bases of linguistic research of speech products involved in forensics cases in Russia. Detailed analyses and classification of types of Russian language texts as subjects of forensics expertise (terrorist mail and taped calls, extremist papers, hate mail, random demands, swindle, blackmail, slander, insult mails, discrimination statements and others) was fulfilled. It is demonstrated that *forensic specheology* includes all variety of aspects of speech communication and description of a speech code is concretized for the purposes of a concrete legal case.

Как показывает анализ Российской судебной практики, сегодня в информационные и документационные споры оказываются вовлеченными как средства массовой информации, так и органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица и политические деятели, деятели культуры и искусства, шоу-бизнеса и рекламы, правоохранительные органы, многие юридические и физические лица. В российских судах рассматривается значительное количество дел, в которых тексты и единицы русского языка являются важным источником доказательств, необходимых при расследовании преступлений и разрешении гражданских споров. Это, в свою очередь, обусловило рост количества экспертиз, объектом которых является текст, звучащая речь (почерковедческой, автороведческой, фоноскопической экспертиз), появление новых видов и родов судебных экспертиз (лингвистической, психолого-лингвистической). Потребность в специалистах, обладающих профессиональными знаниями в области новых речевых и лингвистических технологий, юридической техники, психологии коммуникации в настоящее время в России и других странах мирового сообщества весьма велика. В частности, это проявляется в следующем.

Во-первых, проблемы лингвистической безопасности все более встают в один ряд с проблемами общественной безопасности, общей экологии, защиты окружающей биологической и социальной среды. Текст как продукт речемыслительной деятельности – не только коммуникативное и эстетическое явление, неотъемлемое от общения людей, массовой коммуникации, шоу-индустрии, рекламной, креативной, интеллектуальной деятельности, но и орудие, в том числе и орудие преступления. Неумелое (или осознанно превышающее допустимые нормы) пользование богатством языка может привести к тяжелым моральным и в ряде случаев серьезным юридическим последствиям. На первый план выходит не только вопрос защиты каждого гражданина, юридического лица и общества в целом от словесного экстремизма, речевой агрессии, «языка вражды и ненависти», но и проблема профилактики речевых правонарушений и словесного экстремизма: распространения ксенофобных материалов, клеветы и оскорблений в печати, радио- и телеэфире, сквернословия в ток-шоу и кинопродукции, порнографии в книжных изданиях, речевого мошенничества в рекламе, пропаганды наркотических средств и психотропных веществ в видеоклипах, печатных и электронных СМИ, агрессивной суггестии «черного пиара», нарушения авторских и смежных прав, прав на товарные знаки и другой интеллектуальной собственности, борьбы с книжным, аудио-визуальным «пиратством», незаконным использованием чужих товарных знаков, доменных имен, фирменных наименований или паразитирования на «раскрученных» брэндах, фирменных наименований и т. д. Нельзя не признать, что в массовой коммуникации большое число коммуникативных конфликтов возникает в силу противоречивого характера самого языка и его речевого функционирования. Распознавание и защита от «языка вражды», профилактика таких коммуникативных конфликтов и актов речевой агрессии не всегда под силу обычному филологу.

Во-вторых, лингвистика как одна из самых развитых отраслей науки дает мощный инструментальный изучению публичной речи, нормативных актов, текстов правовых документов и их описания через призму языкового анализа юридического или политического дискурса. Не случайно все чаще говорят о потребности создания нового типа риторика, искусного в представлении и исследовании текстовых данных в состязательном политическом или судебном действии, нацеленного на достижение успеха средствами речевого убеждения аудитории.

За последнее время российское законодательство кардинально изменилось в ходе проведения судебной реформы. Принятие нового процессуального законодательства, Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», позволили разрешить многие спорные вопросы, связанные с назначением и проведением судебной экспертизы. Но и одновременно существенно повысились требования к профессиональной компетенции экспертов-лингвистов. Практика показывает, что эксперты должны обладать целым комплексом специальных знаний и наличие у них только базового вузовского образования, в частности, филологического явно недостаточно. В ответ на требование приоритетным направлением становится подготовка профессиональных экспертов-лингвистов в области судебно-речеведческих экспертиз широкого профиля в рамках вузовского образования. Так, например, в Институте судебных экспертиз Московской государственной юридической академии (ИСЭ МГЮА) осуществляется подготовка и обучение по специализации «судебно-речеведческие экспертизы» в рамках специальности 350600 – «Судебная экспертиза». Судебные речеведческие экспертизы основаны на сфере знаний о процессе речевого производства, восприятии и функционирования языка в процессе речевой коммуникации. Они производятся в целях исследования структуры речи путем изучения речевой деятельности и текста как ее продукта, позволяя выявить состояние индивида, причины, побудившие к речевому общению, намерение, а также приемы и способы, которыми он пользуется в акте коммуникации, определяющие смысловую направленность текста. Объектами судебных речеведческих экспертиз являются вовлекаемые в сферу судопроизводства устные и письменные тексты как продукты речевой деятельности человека.

Термин «судебное речеведение» употребляется по отношению к комплексу научных дисциплин, объединенных общим объектом изучения – речь, речевая деятельность, речевое общение и речевое поведение. Понятие «речеведения» ни у кого сегодня не вызывает сомнений и приобретает важное практическое значение, так как определяется как культура демократического общения и взаимодействия, в центре внимания которого – говорящая и воспринимающая личность, ориентация на характеристику речевого акта в совокупности его языковых, прагматических, психологических и социальных параметров. Это предопределяет наряду с нормой, изучение коммуникативной целесообразности и общественного, культурно-речевого вкуса, ответственного за общую эстетику и приспособление функционирования языка к общим тенденциям, настроениям эпохи и общества. Если к предметной области общего речеведения относятся все аспекты, связанные с «речезыковой, интеллектуальной, творческой, социальной деятельностью человека», то предметную область *судебного речеведения* можно считать до сферы специальных знаний, базирующихся на достоверных научных фактах, верифицируемых экспертных методиках.

Как научная парадигма *судебное речеведение* обладает определенной спецификой, принципиально отличающейся от других прикладных отраслей научного знания о языке и речи, в том числе и *судебной лингвистики* следующими позициями: специальные познания в области судебного речеведения составляют основание для их процессуального использования в судопроизводстве, где лингвист может выступать в двух процессуальных качествах: эксперта и специалиста; судебная экспертиза спорных текстов осуществляется с соблюдением специальной процедуры, предусмотренной соответствующим законодательным актом; методы и методики судебного речеведения должны быть вери-

фицируемы, апробированы, их валидность и надежность должна отвечать специфическим целям судебного доказывания.

Специфика *судебного речеведения* заключается в том, что с одной стороны оно включает все многообразие аспектов речевой коммуникации в судопроизводстве, а с другой – модель межличностного общения и описания речевого кода конкретизируется для целей конкретного процесса судебного доказывания.

Судебное речеведение интегрирует систему разнородных междисциплинарных знаний, включая методологию общей теории судебной экспертизы, теорию криминалистической идентификации и диагностики, навыки использования специальных экспертных методик и умение работать со специальным экспертным инструментарием, специально разработанным или приспособленным, запрограммированным для приложения в целях решения конкретных экспертных задач прикладной лингвистики.

Понятие «судебного речеведения» не равнозначно понятию «судебной лингвистики». Последнее охватывает несколько иную, но также обширную область пограничных знаний на стыке языкознания и правоведа. *Судебная лингвистика* – это наука о языке закона как средстве нормативно-логического оформления текстов юриспруденции и языковой стилистики процесса судопроизводства. Она изучает язык нормотворческой и правоприменительной практики, на котором ведется судопроизводство, учитывает языковые требования к составлению официальных документов (включая нормативно-правовые акты и иные документы, ис-

ходящие от государственных и негосударственных учреждений и должностных лиц, устанавливающие наличие или отсутствие фактов имеющих юридическое значение), лингвистические техники и технологии юридической аргументации, аутентичность перевода с одного языка на другой, юридическую риторичку, лингвистическую специфику дискурса судебного производства и т. п.

По мнению ведущих зарубежных ученых, отраслями современной судебной лингвистики могут являться: идентификация автора текста, установление способа порождения текста (был текст выполнен под диктовку, прочитан или составлен из разных фрагментов разных авторов); судебный перевод и толкование юридических текстов, транскрипция устных текстов и оценка достоверности утверждений; исследование языка судопроизводства и судебная риторика, языковые права национальных меньшинств; анализ показаний подозреваемых и обвиняемых, свидетелей в суде и на предварительном следствии; судебная фонетика (включая идентификацию, диагностику личности диктора по фонограммам речи, предъявление фонограмм для опознания лица по голосу; анализ аутентичности, подлинности, естественности текста, анализ его семантики с точки зрения установления ложности телефонных сообщений, предсмертных записок при суициде, анализ степени риска по содержанию сообщения и т. д.

Таким образом, судебное речеведение и судебная лингвистика, во многом пересекаясь, образуют, тем не менее, разные отрасли приложений лингвистических знаний в теории судебной экспертизы.

Теоретические аспекты юридического функционирования русского языка

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет

Теория языка, юридическое функционирование языка, юрлингвистика, конфликтный текст, языковое правонарушение

Summary. The address is dedicated to theoretical aspect of jurislinguistics. The object of jurislinguistics is formulated as language juridical functioning that is to say regulated by law functioning. The Language in the given aspect emerges as object or facility to legal activity. In the address ways of juridization of language facilities are analyzed.

В докладе русский язык рассматривается сквозь призму права и правовой коммуникации. На фоне юридического функционирования языка раскрываются его особенности, в частности, его конфликтогенный потенциал и особенности его внешнего регулирования. Описание естественного языка в докладе осуществляется на материале конфликтов, ставших объектом юрлингвистической экспертизы.

Естественный язык попадает в сферу юридического функционирования разными путями: в одном из них он выступает в качестве **средства** юридической деятельности, в другом – в качестве ее **объекта**.

Аспект «средство» предполагает использование естественного языка в законотворческой деятельности (при создании законов и других юридических документов) и в деятельности законоприменительной (при толковании текстов закона и других юридических документов). И та, и другая сферы служат источником языковых конфликтов, возникающих в силу особенностей естественного языка: его антиномического бытия, стихийности законов существования, вступающих в противоречие с требованиями юридического языка. Часть конфликтов решается через внутренние механизмы языка, часть – через систему этических норм, часть выходит в сферу правового регулирования. Основная фабула лингво-юридических решений связана с несовпадением их лингвистических и юридических презумпций: с одной стороны, множественность интерпретации для естественного языка является объективным механизмом его функционирования, и, с другой стороны, – активно действует стремление к ее преодолению в юридическом языке. Экспертная составляющая возникает здесь уже при лингвистической экспертизе законопроектов, и при толковании текстов уже принятых законов. Частный случай использования языка (речевого материала) в аспекте «средство правовой деятельности» возникает на этапе следствия при идентификации личности по тексту.

Аспект «объект» актуализируется в ситуации законодательной деятельности, когда функционирование естественного языка подлежит юридическому регулированию (напри-

мер, при принятии законов о государственном языке или законов, ограничивающих использование некоторых средств языка в различных ситуациях) и в ситуации законоприменительной – в следственных действиях и судебном разбирательстве, когда они, во-первых, стали предметом правонарушений, то есть нарушений законов, регулирующих использование языка, или, во-вторых, в случаях, когда речевые действия оказались **средством** осуществления различных правонарушений. Необходимость в экспертизе в данных случаях возникает в результате обращения к лингвистам со стороны следственных органов, участников судебных разбирательств для разрешения спорных ситуаций или извлечения необходимой информации.

В выделенных аспектах по-разному предстает основная проблема юрлингвистики, связанная с взаимодействием естественной и юридической разновидностей языка и соответственно – проблемы юридизации первой и «разюридизации» второй.

В аспекте «язык – средство воплощения и осуществления юридической деятельности» преобразование естественного языка в юридический предполагает в первую очередь преодоление потенциала множественной интерпретации речевых произведений, к чему направлена в основном юридическая техника, достигаемая на этом пути определенными успехами. Однако этот путь не может быть абсолютизирован, поскольку множественность интерпретации является естественным механизмом интерпретирующей деятельности сознания (и способом бытия истины). Ограниченные возможности стратегии, ориентированной на однозначность понимания, особенно значимо проявляются в обыденном толковании текста законов рядовыми законопослушными гражданами, не владеющими юридическим языком, но именно для них законы и предназначены. Сказанное означает необходимость усиления иной стратегии – с одной стороны, стратегии повышения уровня правосознания рядовых граждан и, следовательно, уровня владения ими юридическим языком, с другой стороны, – повышения уровня лингвистических знаний профессиональными юристами, в частности,

осознания ими закономерностей обыденного толкования речевых произведений, в частности, его необходимо субъективного характера, неизбежной ориентации на бытовые концепты, вследствие чего вынуждается «разъюрдизация» текста закона; без такого осознания результаты деятельности законодателя могут существенно отдалиться от тех, чье социальное поведение призван регулировать закон.

В аспекте «языковые средства правонарушения как объект судебной лингвистической экспертизы и судебного разбирательства» элементы естественного языка юрицизируются в силу необходимости квалификации состава преступления, то есть «подведения» их к определенной статье закона, которая регулирует их (средства, элементы) применение. В этом смысле в данном аспекте можно говорить о языковом злоупотреблении и правонарушении как о единице юридического функционирования языка, которую по аналогии с другими единицами можно назвать лингвоюридемой. Таковыми являются оскорбление (статья 30 Уголов-

ного кодекса РФ), унижение чести и достоинства личности (статья 152 Гражданского кодекса РФ), «речевое хулиганство» (сквернословие в общественном месте), «речевое мошенничество», закон об охране товарных знаков предусматривает ограничения для охраны некоторых типов словесных знаков и т. п. Юрицизация языковых средств (например, инвективных лексем) заключается здесь в необходимости их лингвистической оценки на шкале этико-языковой нормативности (приличное / неприличное), которая в суде переводится на шкалу их юридической оценки как оскорбления / не оскорбления, что предполагает наличие специальных легитимизированных словарей и справочников. Иное содержание «лингвоюридем» связано с регулированием употребления русского языка как государственного, который выступает здесь не как средство правонарушения, а как сама ценность, защищаемая правом.

В докладе с очерченных позиций анализируются особенности юрицизации языковых конфликтов, предлагается их типология.

Проблемы лингвистической квалификации речевого экстремизма

С. В. Доронина

Алтайский государственный университет, Барнаул

Речевая коммуникация, речевая агрессия, речевое правонарушение, лингвистическая экспертиза, судебное речеведение

Summary. Diffused decision to “extremism” by modern Russian legislation is the cause of essential difficulties for linguistic examination of aggressive statements.

В современном правовом и политическом пространстве все большую значимость приобретает особый вид речевых правонарушений, предусмотренных статьями 280 УК «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и 282 УК «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Квалификация данного вида речевых правонарушений всякий раз требует лингвистического обоснования. В то же время экспертная практика по этому виду дел вскрывает целый ряд объективных трудностей, препятствующих однозначной филологической квалификации высказываний.

Иллокутивный компонент речевого правонарушения. Согласно ст. 282 УК противозаконны любые действия, способствующие осуществлению экстремистской деятельности. Поэтому распространением экстремистских материалов считается любая их передача средствами СМИ. При такой логике лингвистический анализ намерений говорящего оказывается незначимым для квалификации правонарушения. С юридических позиций абсолютно безразлично, какой модальностью окрашивает журналист высказывания своего персонажа: присоединяется он к ним или цитирует в порядке критики, использует в качестве образительно-выразительного средства (старается вызвать негативные эмоции у читателя по отношению к персонажу) или доказывает экстремистский настрой героя публикации (речевая тактика: он агрессор, потому что высказывается так-то). С точки зрения российского законодательства сам факт обнаружения информации является противозаконным, что значительно увеличивает количество высказываний, юрицизированных по этой статье. Так, Е. И. Галяшина приводит пример заключения отдела надзора за соблюдением законодательства в сфере СМИ, в котором газете «Аргументы и факты» инкриминировано опубликование интервью с М. Яндарбиевой: *Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее.* В заключении позиция газеты и позиция интервьюируемой (жены убитого лидера чеченских боевиков) отождествляются, а дискуссионный характер публикации (иллокутивный намерение журналиста) остается вне поля зрения права.

Участники ситуации. Одним из главных компонентов формирующих состав правонарушения, является определение объекта оценочного высказывания. Законодательно запрещается негативная оценка определенных социальных групп (либо отдельного лица по принадлежности к данной группе). Закон достаточно четко определяет, достоинство каких социальных групп не должно быть задето публичными высказываниями: «по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии». Таким образом, одной из главных задач лингвиста-эксперта явля-

ется определение коллективного объекта негативной оценки. Лингвистические затруднения определения речевого правонарушения связаны с косвенной формой выражения объекта оценки. Ср. один из таких случаев: *Внимание: азиатская саранча!!!.* (Далее следует рисунок, на котором изображено насекомое с головой человека монголоидной расы, «пробирающееся» по географической карте с территории Китая на территорию России) *...Их никто не звал, но они чувствуют себя здесь как дома. Их становится больше... Скоро здесь будет уже Китай. Скоро тебя выгонят из дома, потому что ты – не азиат; ты этого ждешь?!!!* – где объект оценки не назван, а намек на лиц китайской национальности осуществлен графическими средствами.

С другой стороны, в случае возбуждения уголовных дел по фактам распространения информации типа «Нация Х лучше всех!» лингвистическая квалификация речевого правонарушения оказывается затруднительной даже в случае крайней агрессивности исследуемого текста. Негативная оценка в таких случаях оказывается безобъектной и, следовательно, неюрицизуемой.

Перлокутивный компонент речевого правонарушения. Закон об экстремистской деятельности выполняет предупредительную функцию. Его главная цель – сохранение стабильности в многонациональном и конфессионально неоднородном обществе. Поэтому вопрос о перлокутивном компоненте высказывания формулируется в гипотетической модальности: «может ли данное высказывание быть средством разжигания национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды». Таким образом, в логике лингвистического экспертного заключения перлокуция должна вытекать из семантического и прагматического анализа текста и быть «равной» иллокуции. В то же время иллокутивный и перлокутивный компоненты высказывания далеко не всегда тождественны. Экспериментальное исследование экстремистских материалов зачастую обнаруживает эти расхождения. Например, крайне агрессивная листовка *Я работать не хочу – Вам меня кормить! Буду все взрывать, Буду русскую свинью Из дома выживать...* и т. п. имеет, по данным опроса, практически нулевой прагматический эффект. На вопрос, может ли данный текст стать средством разжигания розни, люди русской национальности разных возрастов и типов речевой культуры ответили отрицательно. Яркие выпады в адрес русских были оценены как провокационные (либо как принадлежащие не вполне адекватной в психическом отношении языковой личности) и не достойные реагирования.

Языковые средства – индикаторы речевого правонарушения. Согласно законодательству экстремистскими признаются материалы, *призывающие* к осуществлению насилия над социальной группой (ст. 280 УК), *обосновывающие*

или *оправдывающие* такую деятельность (ст. 282 УК). При этом считается, что языковое выражение отрицательного мнения о чем-либо или о ком-либо само по себе не означает осознанной направленности автора на возбуждение вражды к критикуемому объекту. Направленность на возбуждение вражды предполагает наличие прямого призыва к враждебному отношению к данному объекту. Она может выражаться в форме призывов, воззваний, поучений, советов, предостережений, требований, угроз. Таким образом, призыв является наиболее близким языковым эквивалентом юридическому понятию «экстремизм». Однако возможность косвенной формы достижения любой иллюктивной установки делает проблематичной интерпретацию многих агрессивно окрашенных высказываний. Ср.: *Иванов опять всех подвел! Безобразия! Убить его за это надо!* Является ли данное высказывание призывом к физической уничтожению Иванова? Другой пример: *Не говорите мне про чеченцев. Сколько русских они уничтожили! О какой жалости к этим головорезам может идти речь?!* Можно ли расценить данное высказывание как косвенно оправдывающее насилие над представителями чеченской национальности, или его следует понимать буквально? Возможность косвенного способа выражения экстремистских заявлений осознается и самими юри-

стами, о чем свидетельствует появление «Методических рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» Генеральной прокуратуры РФ. В справочнике осуществляется попытка списочного изложения видов информации, носящих черты экстремизма. Однако при детальном рассмотрении данный список оказывается весьма противоречивым: не вполне ясно, в чем отличие «констатации негативных фактов» от недопустимого «тенденциозного подбора фактов», почему экстремизмом следует считать отрицательные эмоциональные оценки какой-либо нации (конфессии) или отдельных ее представителей, если изначально заявлено, что выражение отрицательного мнения еще не является возбуждением вражды. Таким образом, попытка конкретизировать понятие вербального экстремизма приводит к чрезвычайному расширенному толкованию этого понятия, вступающему в противоречие с обыденными представлениями о свободе слова. К вербальному экстремизму фактически относятся любые заявления, способствующие формированию и подкреплению негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии. Расплывчатость и неопределенность юридического понятия делает его труднопереводимым в систему лингвистических категорий.

О проблеме вычисления вероятности случайного совпадения текстов

Ю. В. Зайцева

ООО «Компьютерные системы ЛКС», Москва

Постановка задачи

Довольно частотный вопрос, задаваемый к экспертизам по плагиату, настолько же короток и ясен в постановке, насколько сложен и слабо разрешим на практике. Формулируется он примерно так:

Какова вероятность случайного совпадения спорных текстов?

Какова вероятность того, что два автора написали один и тот же спорный текст независимо друг от друга?

Какова вероятность того, что совпадение спорных текстов разных авторов есть не заимствование, а случайность?

Сведем задачу к наиболее простой. Пусть спорные тексты совпадают полностью, иначе говоря, представляют собой один и тот же текст. Но каковы шансы, что этот текст не мог быть выдуман дважды?

Само собой, ни одному судье не придет в голову рассматривать всерьез вероятность случайного сочинения «Дон Кихота» ([1]). Но так ли мала вероятность случайного совпадения, к примеру, написанных по ГОСТу методических указаний к расчету подоходного налога или алиментов?

Большинство текстов, представляемых на экспертизу, относятся к узкоспециальным: бухгалтерским, юридическим, экономическим и т. д. Как правило, они гораздо короче «Войны и мира». Часто тексты не самостоятельны, так сказать, вторичны, они пересказывают другие тексты: законы, методики, правила, алгоритмы. Они во множестве содержат не прямые цитаты из третьих источников. Лексикон их крайне беден и состоит в основном из высокочастотных слов и терминологии, используемой всеми авторами в данной области знания.

Так что вопрос о вероятности случайного совпадения отнюдь не праздный.

Исходные определения

Определим текст как *последовательность из $n > 0$ символов, имеющую признаки начала и конца*. Признаками начала и конца можно считать любые маркеры, воспринимаемые человеком как таковые: начало первой строки статьи или книги и конец последней, метки начала и конца файла на диске и т. п. (по обстоятельствам).

В общем случае никакие другие уточнения этого определения по грамматическим, стилистическим, семантическим и т. д. признакам не могут быть введены без того, чтобы какие-либо частные случаи текста не выпали из-под определения. Грамматическую связь текста и смысловое содержание в рамках данной задачи нельзя считать неотъемлемыми характеристиками текста. Закон не запрещает представлять на экспертизу:

- бессмысленные наборы символов (напр., текстовые файлы, полученные при исследовании характерных движений собаки, кладущей морду на клавиатуру);
- наборы символов, смысл которых установить не представляется возможным (напр., шедевры поэтов-футуристов);
- результаты работы автоматических генераторов текста и т. д.

Ресурс языка по производству новых текстов не исчерпан. Каждый день порождаются тексты, которых до этого не существовало в природе. Очевидно, вероятность выпадения любого текста не равна нулю, даже если этот текст целиком ни разу не встречается в генеральной совокупности текстов. Иначе говоря, нет правила, по которому какой-либо текст не может быть написан.

Если положить, что текст порождается последовательно (что, вообще говоря, не очевидно), то его можно представить в виде последовательности испытаний, в которых каждым элементарным исходом является выпадение некоторого следующего фрагмента этого текста (символа, слова, синтагмы, предложения или др.). Не каждый из этих фрагментов может встречаться в генеральной совокупности текстов, однако каждый самый малый, элементарный фрагмент в ней содержится. Таким фрагментом в случае текстового формата является символ.

О независимости

Рассмотрим для начала вычисление вероятности случайного выпадения последовательности слов (как правило, именно слово отчего-то считается наиболее подходящим фрагментом для такого вычисления).

Самое простое и неправильное решение дает способ, применяемый в известной задаче о том, сколько времени потребует обезьяне, чтобы написать «Войну и мир», и аналогах. При этом способе каждое слово считается независимым испытанием, а вероятность его выпадения равна частоте этого слова на представительной выборке текстов. Вероятность же выпадения текста целиком рассчитывается по теореме умножения вероятностей ([5]).

Однако слова в тексте нельзя считать независимыми. Язык имеет грамматический строй. Слова в предложениях, как правило, связаны по смыслу. Простейшая проверка на вполне представительной выборке текстов, индексированных поисковыми серверами, показывает, что частоты выпадения расхожей пословицы и случайного набора слов из нее (напр., *бешеной собаке семь вёрст не крюк* и *семь собаке крюк бешеной не вёрст*) сильно различаются. А при расчете описанным способом вероятности выпадения этих текстов оказались бы равными.

Однако в частных случаях (напр., в случае бессмысленных текстов или текстов, смысл которых установить не представляется возможным) нет оснований отрицать, что текст был создан именно этим способом.

О зависимости

Наиболее распространенным способом автоматического порождения текстов является принцип генератора текста на основе марковских цепей. В данном случае учитываются уже не отдельные слова, а последовательности из $n > 1$ слов, полученные в результате разбора выборки текстов. При достаточной большой (порядка $n > 3$) длине таких последовательностей тексты, порожденные бредогенератором, оказываются грамматически верными, однако смысловая нагрузка этих текстов рассматривается только в контексте связности. К тому же при таком подходе возможен расчет вероятности выпадения только попавшей в исходную выборку цепочки, вероятность же появления новой равна нулю, что противоречит здравому смыслу. Да и критерий связности совершенно не обязательно соблюдается во всех случаях порождения текста ([2]) и не является основным фактором, определяющим убедительность предметной интерпретации и точность расчета. Тем не менее в случае заведомой осмысленности представленного на экспертизу текста (а такие случаи составляют подавляющее большинство) этот критерий имеет силу, хотя из-за большого количества грамматических и стилистических ошибок в образцах эта сила не абсолютна.

Однако в частных случаях (напр., в случае автоматически сгенерированных текстов) нет оснований отрицать, что текст был создан именно этим способом.

О фрагментах

При этом рассмотренные выше типовые задачи относятся к расчету вероятности выпадения фрагментов заданной длины и построения текста из уже имеющейся выборки фрагментов. Перед нами же стоит задача разложения текста на выборку заранее неизвестных фрагментов и измерения вероятности случайного выпадения последовательности этих фрагментов.

Что мы знаем о самих фрагментах? Какова их длина, каковы хотя бы минимальные элементы фрагментов – символы, слова, синтагмы, предложения, абзацы?

Увы, ни одна из существующих моделей порождения речи и текста ([3]) принципиально не имеет строгого обоснования.

Мало того, здравый смысл подсказывает, что длины фрагментов, из которых состоит текст, переменны как в разных текстах, так и в одном.

Таким образом, информации у нас мало. Однако ряд общих свойств рассматриваемых текстов мы знаем определенно.

- Любой текст, принесенный на экспертизу, конечен.
- Вероятность случайного выпадения любой последовательности символов не равна нулю. (Даже текст *семь собак крюк бешеной не вёрст*, который не встретился на огромной выборке Яндекса ни разу, не может похвастаться нулевой вероятностью выпадения. В противном случае мы пришли бы к абсурду, поскольку в данном тексте он уже встретился дважды.)
- Минимальный элемент текста не может быть короче одного символа и не может быть длиннее текста целиком.

О вероятности

Поставим задачу строго.

Дан текст A из $n > 1$ символов. Дана представительная выборка текстов, содержащая все символы текста A , а также ряд больших фрагментов текста A различной длины. Известно, что текст A может быть порожден либо целиком, либо как последовательность независимых фрагментов, однако каким именно образом, неизвестно. Найти вероятность случайного выпадения текста A , если вероятностью выпадения каждого фрагмента текста A считать нормализованную частоту этого фрагмента на представительной выборке.

Решение

В данном случае невозможно с уверенностью установить, какое из разбиений является верным. Текст может быть составлен любым из разбиений на фрагменты в количестве от 1 до n , где n – количество минимальных фрагментов текста. Число таких разбиений составит

$$\sum_{m=0}^{n-1} C_m^{n-1} = 2^{n-1}$$

где $C_m^{n-1} = \frac{(n-1)!}{m!(n-1-m)!}$ – число сочетаний без повторения из m элементов по $n-1$ и $n-1$ – количество минимальных фрагментов текста. Величина $n-1$ содержательно интерпретируется как максимальное количество разделителей, которые можно расставить в заданном тексте так, чтобы с обеих сторон каждого разделителя находилось не менее одного символа¹.

Тогда по теореме сложения вероятностей вероятность того, что текст A выпадет случайно хотя бы одним из этих вариантов разбиения,

$$P_A = \sum_{i=1}^{2^{n-1}} p_i$$

где p_i – вероятность того, что текст выпадет каким-либо из вариантов разбиения.

Таким образом, для расчета вероятности, к примеру, строки из 11 символов (первой строки знаменитого пятистишия Б. Кручёных: *Дыр бул щил*) необходимо будет рассчитать $2^{10} = 1024$ вероятности.

Нетрудно прикинуть, каким будет число этих вероятностей для «Евгения Онегина». Задача сокращения этого количества (отбрасывания заведомо невозможных разбиений и установления пр. закономерностей порождения текста) выходит за пределы математической части и находится в компетенции лингвистов.

Также остается неясным метод расчета частот фрагментов. Вопрос представительности выборки, необходимой для такого расчета, по стилистической, жанровой и пр. формам не имеет простого решения.

Об интерпретации

Даже если искомая вероятность оказалась бы посчитана, ее интерпретация вовсе не была бы однозначной. Что значит, к примеру, фраза: «Вероятность случайного выпадения текста A составляет 0.000000001»? Много это или мало? Представление ее в частотах (напр., как 1 к 999999999 или «1 шанс из миллиарда») не добавляет ясности. Каждый день порождается множество текстов. Сколько именно, неизвестно. Может быть, миллиард (хотя наверняка меньше). Но для интерпретации результата нужны не предположения, а цифры!

Маловероятные совпадения – далеко не редкость. Каждый день с нами происходят события, вероятность которых составляет чрезвычайно низкие значения. Но если 9/10 всех событий, которые могут случиться, имеют вероятность 1/1000000000, то вероятность выпадения события с такой низкой вероятностью составляет 9/10.

Так что проблема интерпретации вероятности случайного выпадения текста остается нерешенной даже теоретически.

«Отстановка» задачи

Таким образом, задачу вычисления вероятности случайного совпадения в этой постановке следует отставить либо до разработки лингвистами четкой модели порождения речи и текста, либо до того уровня развития технологий, когда у каждого эксперта будет стоять на столе достаточно мощный компьютер, чтобы рассчитать столько вероятностей за обозримое время.

Литература

1. Борхес Х. Л. Пьер Менар, автор «Дон Кихота» // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 2005.
2. Асс П. Н., Бегемотов Н. О. Штирлиц, или как размножаются ежики // <http://www.lib.ru/ANEKDOTY/shtirl-1.txt>.
3. Белянин В. П. Психолингвистика. М., 2004.
4. Кофман А. Введение в прикладную комбинаторику. М., 1975.
5. Венцель Е. С. Теория вероятностей. М., 2002.

¹ Здесь, однако, все же сделано допущение. Мы исходили из предположения о том, что текст разбивается только на неразрывные фрагменты. Если же фрагменты могут быть разрывны, т. е. элементы одного фрагмента могут стоять в тексте не друг за другом, а между ними могут находиться элементы других фрагментов (напр., если в тексте *Выходила на берег Катюша* возможно было бы выделить два фрагмента: 1) *Выходила Катюша*, 2) *на берег*), то кол-во вероятностей соответствовало бы числу Белла ([4]). Для сравнения, первые 10 чисел Белла: 1, 1, 2, 5, 15, 52, 203, 877, 4140, 21147. Таким образом, для текста из 10 символов необходимо было бы вычислить 21147 вероятностей.

Семантико-коммуникативная организация текста, представляющего судебную деятельность

Р. А. Каримова, Е. Н. Александрова

Башкирский государственный университет, Уфа
Реализации семы «вина»; имплицитные смыслы текста

Актуальность данной проблематики обусловлена усиливающимся влиянием на жизнь общества правосудия – публичного высказывания, затрагивающего гражданина как участника судебного процесса и как члена общества. Характеризуя речевое воплощение судебного процесса, конкретно реализации моделей речевого поведения субъектов (участников уголовного процесса: государственного обвинителя, защитника и судьи), – мы в отличие от специалистов по судебному речеведению и специалистов по юрлингвистике обращаемся к судебной речевой деятельности (и тексту) как целостному единству, организуемому определенным смыслом, который выявляется в динамике речи (текста).

Для анализа послужили материалы уголовных дел (процессов): записи устной судебной речи за 2006 год и документация суда Кировского района г. Уфы, представляющая собой письменные тексты; данный материал рассматривается нами главным образом в плане производства речи (текста).

Формированию смысла процесса (и текста) с его направленностью на справедливость служит реализация стратегии, определяемой целями основных участников процесса. Знаками этой стратегии выступают взаимообусловленные семантические категории «истина» – «правда» (весьма существенные для русского языкового сознания), «право» («закон») и «мораль», «вина» и «наказание», «ответственность», «свобода»; образ сознания *справедливость*, обычно не эксплицируясь в текстах, организует лексемы-реализации названных категорий. Об осуществлении этой стратегии нам дают основание судить устные тексты, письменные же тексты представляют узловые моменты рассмотрения дела.

Судебный процесс, являющий определенную социальную ситуацию, «есть очень сложное в высшей степени тонкое устройство, заключенное в рамки однородного пространства – физического и процедурного, позволяющего составлять из единства времени, места и действия языковое, смысловое и сценическое явления» (А. Гарapon). Направленность процесса на установление истины (и закрепление ее как знания) – конечной цели данной деятельности – предполагает действия участников. Для их характеристики необходимо учесть роли участников процесса (судьи, прокурора, адвоката), добывающих в ходе судебных разбирательств посредством речи компоненты знания (истины) – факты, в дальнейшем служащие основанием для вынесения приговора (как окончательно закрепленной истины).

Кульминацией судебного процесса, его обязательным и ключевым моментом являются судебные прения: в данном состязательном процессе каждая из сторон руководствуется определенной коммуникативной целью в соответствии со своей ролью. Внимание речевого субъекта (прокурора), выступающего от имени государства, сосредоточено на квалификации преступления, с использованием точных юридических определений, которые служат правовой оценке содеянного: / ...уголовное дело по обвинению Ха / в совершении преступления / предусмотренного частью первой статьи триста восемнадцать / уголовного кодекса Российской Федерации / квалификация содеянного Хом на предварительном следствии дана правильно //. Правовая оценка содеянного служит основанием для предлагаемого вида наказания. Направленность обвинительной речи – это определение / характеристика субъекта в плане его состояния в результате анализа фактических обстоятельств дела: *виновен / не виновен*; поэтому номинация лица занимает существенное коммуникативное положение в тексте: от рематического элемента в исходном высказывании (в абсолютном начале текста) к актуализованному элементу темы – родительному субъекту со значением носителя состояния: *виновность Ха*; и / или отглагольного субстантива и лица-деятеля: *содеянное Хом* и наконец номинации субъекта темы в препозиции итогового высказывания: / *Х свою вину признал полностью* //. Таким образом, в данном тексте наблюдается тема-рематический динамизм, отражающий логику обвинительной речи.

Соответственно доминанта речи субъекта (прокурора) является оценочно-качественной; оценка направлена на характеристику состояния лица.

Другим участником судебных прений выступает адвокат, суть деятельности которого, в отличие от цели прокурора, заключается в анализе и оценке обстоятельств дела с позиций защиты, с учетом интересов подзащитного. В этом и состоит стратегия данного речевого субъекта. Обращаясь к коммуникативной стороне защитительной речи, следует отметить, что ее рематическая доминанта в целом оценочного характера. Речевое поведение субъекта (адвоката) проявляется в выборе номинаций субъекта, его действий и состояний, что соответствует функциям защитника. Так, в противоположность речевым действиям прокурора, адвокат из целого ряда возможных номинаций лица предпочитает *подзащитный*, избегая лексем *подсудимый*, *обвиняемый*. Если в обвинительной речи при характеристике действий и состояний субъекта функционируют номинации с семой *вина* (*обвинение*, *вина* / *виновность*, *обвиняемый*, *виновен*, *преступление*), то в абсолютном начале речи адвоката используется нейтральное наименование: *действия Ха*. Защитником дается общая оценка деяния субъекта в плане истины, соответствия его (деяния) действительности: / *действия Ха... истолкованы верно* //. Далее в речи дается оценка самого субъекта в отношениях юридическом, психологическом, деятельностном посредством группы ремы, представленной перечислительным рядом. Затем следует оценка субъекта (подсудимого) с позиций отношения его к вине, к содеянному: / *Х вину свою признает / раскаивается в содеянном / перед потерпевшим Уом извинился* //. Ритмическая организация текста (защитительной речи) также служит убеждению, т. е. коммуникативной цели речевого субъекта (адвоката).

Организатором судебного процесса выступает судья, он является лицом, речевое высказывание которого (приговор) воспринимается как конечное, непререкаемое, истинное. Регулируя общий ход судебного разбирательства, судья способствует установлению истины, которая затем закрепляется как окончательное знание в приговоре, в этом заключается коммуникативная роль данного речевого субъекта. Приговор судьи есть обоснованное решение, опирающееся на факты (события), следовательно, предметом речи-мысли в приговоре выступают обстоятельства совершения преступления. Поэтому тема-рематическая организация текста такова, что части высказываний, раскрывающие обстоятельства события (пространственные, временные и др. условия действий субъекта), занимают позицию актуализации. А именно: конструкции, организуемые причастными и деепричастными (т. е. отглагольными) формами, выносятся в препозицию к собственно ремы-предикату-реме, что увеличивает – соответственно внеязыковой цели высказывания – коммуникативный вес начальной части конструкции: *В октябре 2002 года Х, имея умысел... введя в заблуждение... заранее зная, что... попросил в залог трехкомнатную квартиру...* Такие структуры представляют собой штампы юридической письменной речи (приговора и других текстовых материалов). В наблюдаемых текстах в соответствии с их назначением видное место занимают номинации лица. Прежде всего это каузатор рассматриваемого события (преступления) – *подсудимый*. Данное наименование функционирует в коммуникативно нейтральных, с порядком от темы к реме, контекстах, где оно (наименование) является темой, препозитивной относительно ремы-предиката: *Подсудимый Х виновным себя признал частично...* Обозначения же других субъектов коммуникации – *потерпевший*, *свидетель* – в тексте обычно не актуализованы, однако, сближаясь по коммуникативной функции с ролью каузатора события, данные номинации выступают субъектами действия: *Х, введя в заблуждение У, относительно принадлежности ему автомо-*

била КРАЗ, продал его последнему...; Потерпевший У подтвердил суду, что с Хом был заключен договор аренды автомобиля. Лексемами подсудимый, потерпевший, свидетель номинируется юридический статус участников процесса, что находит отражение в судебной речи, а также в документации.

Если смыслы «вина» и «наказание» в речи основных участников процесса (и тексте) выражаются с помощью номинаций (КС) *вина / виновность, виновен, извинился, раскаялся, «наказание»*, актуализованных в коммуникативном

К вопросу о предмете лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации

Т. Н. Касьянюк

Южный Региональный центр судебной экспертизы, Ростов-на-Дону; Ростовский филиал ГОУ ВПО «Российская академия правосудия»

1. По данным Фонда защиты гласности в правоприменительной практике среди всех дел о диффамации (диффамацией признается клевета, оскорбление, ущемление чести, достоинства, деловой репутации распространением несоответствующих действительности и порочащих сведений), иски о защите чести, достоинства и деловой репутации составляют более 90%. Появление множества исков о защите чести, достоинства и деловой репутации вызвало острую потребность как у юристов, так и у простых граждан в *получении юридическо-лингвистической помощи*.

2. Обращаясь к вопросу о предмете лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и репутации, необходимо остановиться на ряде принципиально значимых для данного вопроса моментов: в частности на определении понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация», а также «порочащие» и «позорящие» сведения

3. Как известно, «честь», «достоинство» и «деловая репутация» граждан или юридических лиц есть нематериальные социальные блага, умаление которых предусматривает в соответствии с российским законодательством правовую ответственность обязанных лиц. Тем не менее, несмотря на то что это социально-правовые категории, в текстах права, к сожалению, нет их четкого определения. Скорее всего, поэтому многие тексты «надолго останутся спорными», так как «честь» и «достоинство» – «понятия достаточно широкие, богатые по содержанию и глубоко диалектические по своей природе. Они могут восприниматься в сферах нравственного сознания (как чувства и как понятия), этики (как категории морали) и права (как защищаемые законом социальные блага)» [1].

4. Сколько бы не рассуждали о сущности этих категорий, на наш взгляд, главное в понимании этих категорий следующее:

а) «честь» – это *общественная оценка* личности с учетом существующей морали и правовых устоев в обществе ([1]); это «незапятнанная репутация, это доброе, честное имя» [7, 924]; б) «достоинство» – это *самооценка* своих способностей, поведения, общественной значимости; в) «деловая репутация» – это *оценка* деловых, профессиональных качеств в *общественном сознании*.

Следовательно, в основе общего понимания «честь» и «деловой репутации» лежит такое действие, как «оценка с позиции «внешних» критериев», то есть с позиции общественного мнения (общественная оценка), а в основе понимания «достоинство» – «оценка с позиции «внутреннего» критерия», то есть с позиции самого индивида (самооценка). В таком случае осознание категорий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» любым представителем общества, на наш взгляд, должно лежать через понятия «общественная оценка» и «самооценка».

5. Наблюдается закономерность во *взаимозависимости* и *проявлении* категорий «честь», «деловая репутация» и «достоинство»: как только начинает меняться в худшую сторону общественное мнение об индивиде, то данное лицо утрачивает уверенность в себе, разрушается его образ – Я, снижается его самооценка. В этом случае, несомненно, лингвистическая экспертиза по вопросам, касающимся умаления чести, достоинства и деловой репутации, должна проходить с привлечением двух специалистов – лингвиста и психолога.

пространстве текста главным образом через лексические повторы, а также интонационно-просодические средства (в частности, выделительные ударения на КС и их позиции в синтагме), то «истина» – «правда», «право» («закон») и «мораль», «свобода», «ответственность», «справедливость» обычно остаются имплицитными. Их коммуникативная значимость возрастает, когда в состав коммуникантов – выразителей вердикта – включаются субъекты (присяжные), для которых названные номинации и другие номинации – символы высших ценностей.

га. В компетенции эксперта-лингвиста будет находиться анализ представленного на исследование спорного текста и выявление в тексте информации, которая может негативно повлиять на формирование общественного мнения о данном лице, а следовательно, унижать его честь, порочить репутацию; а в компетенции эксперта-психолога – определение, насколько данная негативная информация повлияет на самооценку адресата, а значит, будет умалять его достоинство. *На наш взгляд, подобный вывод демонстрирует правомерность проведения комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.*

6. Второй момент, на котором хотелось остановиться и который также следует учитывать при выполнении лингвистических исследований и экспертиз по вопросам, касающимся унижения чести, умаления достоинства и деловой репутации, это понимание выражений «порочащая» и «позорящая» информация. На сегодняшний день не совсем понятно, как эксперт-лингвист должен понимать эти фразы: исходя из толкований в словарях слов «порочить» и «позорить» (практически синонимы) или как правовые или иные понятия? Например, в специальной литературе встречаем: «порочащая – это информация (сведения), навлекающая позор на кого-то-нибудь, бесчестящая кого-нибудь; это не соответствующие действительности позорящие сведения, это навет, это незаслуженный позор»; «позорящая – это негативная информация, которая соответствует действительности» [4, 30]. Нельзя не отметить и то, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.05. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» ([6]) также внесло определенные неясности, так как в его тексте встречается такое выражение, как «распространение не соответствующих действительности порочащих сведений» и «порочащие» сведения тракуются как «сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной и политической жизни и т. п., которые умалют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица», т. е. по сути вообще как негативные сведения.

7. Тем не менее, независимо от правовых характеристик данных понятий, и «порочащие», и «позорящие» сведения влияют на репутацию индивида, и практически всегда унижают его честь, умалют достоинство или (и) деловую репутацию. Тогда вопрос «Имеются ли в тексте порочащие сведения гражданина Петрова?» (в соответствии со ст. 152 УК РФ), учитывая неоднозначность в определении «порочащие» сведения в правовой литературе, должен находиться вне компетенции эксперта-лингвиста, так как прежде чем определить, являются ли сведения порочащими, в тексте необходимо выявить наличие или отсутствие вообще негативной информации об истце. Тогда первоочередная задача эксперта-лингвиста в исследованиях подобного характера – *выявить наличие или отсутствие в письменном тексте или в устной речи информации, которая будет негативно характеризовать то или иное лицо с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения и в той мере,*

в которой это может понимать любой дееспособный гражданин.

8. Таким образом, если учесть, что предмет судебной экспертизы – это фактические данные, устанавливаемые на основе специальных научных познаний и исследования материалов дела, то предметом лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинстве и деловой репутации являются данные о наличии (или отсутствии) негативных сведений, унижающих честь, умаляющих достоинство или деловую репутацию истца.

Литература

1. Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М., 2004.
2. Белянин В. П. Психоллингвистика. М., 2003.

3. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Научное издание. М., 2004, с. 422.
4. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы / Под ред. профессора М. В. Горбаневского. М., 2004.
5. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. 2-е изд. М., 2004.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.05. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».
7. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2003.
8. Хазаеров Г. Г., Корнилова Е. Е. Риторика для делового человека. М., 2001.

Судебный диалог как конвенциональная коммуникативная форма

О. В. Красовская

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь (Украина)

Судебный диалог, речевая конвенция, коммуникативная роль, коммуникативная неудача

Summary. The general features of a court dialogue, which takes place during a court hearing on civil cases and is guided by legal conventions. The author describes its specific interrelated features. Conclusions are based on material which has been collected during the observation (sometimes including participation) in district courts and an appeal court.

1. Диалогическая речь является постоянным объектом лингвистического познания – литература, посвященная диалогу, огромна. Исследователи диалога справедливо отмечают, что для построения типологии диалога и создания теории диалогической речи необходимо изучать все разновидности диалога, представленные в реальном общении. Судебный диалог предметом отдельного изучения лингвистов, по нашим наблюдениям, не был. Между тем диалог, протекающий в ходе судебного разбирательства, – это особый тип диалогического общения, который представляет интерес для многих вопросов, актуальных при создании теории общения.

2. Материал для исследования собирался методом наблюдения (в том числе участвующего) в районных судах и суде апелляционной инстанции. Его составляют ручные и магнитофонные записи диалогов, происходящих в ходе судебных процессов по гражданским делам.

3.1. Для судебного разбирательства характерна внешняя диалогическая форма – чередование реплик его участников. Вместе с тем судебному диалогу противопоставлены многие признаки естественной диалогической речи. Его специальными взаимно связанными характеристиками являются: подготовленность, обязательное включение монологических выступлений, взаимодействие с письменной речью, нарушение линейно-прогрессивного течения устной речи, максимум речевых ограничений.

Процессуальные оппоненты не являются полноправными участниками судебного диалога: судебное разбирательство не предполагает свободной смены коммуникативных ролей и непринужденного ответного реагирования.

Судебно-процессуальную деятельность организуют исторически сложившиеся социокультурные (в том числе речеведческие) нормы, многие из которых закреплены в соответствующем законе. Функционирование любого социального института опирается на конвенции, однако суд – сфера, требующая максимального исполнения конвенциональных норм. За их несоблюдение предусмотрены санкции.

3.2. Перечисленные особенности судебного диалога отражаются на речевом поведении непрофессиональных участников процесса в виде коммуникативных неудач (КН). С конвенциональным характером судебного диалога связаны следующие виды КН: 1) КН, порождаемые социальной некомпетентностью процессуальных участников (в частности, незнанием ритуальных особенностей судебного диалога), и 2) КН, порождаемые перенесением навыков естественного диалогического общения на коммуникацию в суде.

Основным условием успешного общения и эффективной защиты прав в ходе судебного процесса является знание закрепленных за ним социокультурных норм и умение им следовать, так как исполнению конвенциональных ролей участвующих в организованных социальных группах.

Взаимодействие языка и права в юридических текстах

Н. А. Любимов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Язык и право, факторы, определяющие их взаимодействие в юридических текстах, правильность текста правового акта

Summary. The paper is devoted to the problems of interaction linguistic and law norms in the legal texts.

1. Язык и право по своей природе представляют собой такие социальные явления, которые находятся в отношениях взаимодействия. Результаты данного процесса отражаются в юридических текстах. Факторами, определяющими сущность лингвоюридического взаимодействия, служат нормативность, системность и формальная определенность.

2. *Нормативность* – основа социального взаимодействия языка и права. Она заключается в обусловленности указанных социальных явлений определенными правилами поведения (нормами) либо установленными и санкционированными государством, либо предопределенными лингвистической традицией.

3. *Системность* предполагает взаимодействие языка и права, основанное на закономерных связях между единицами, составляющими структуру указанных социальных сущностей.

4. *Формальная определенность* предполагает обязательное существование норм языка и права в определенных ис-

точниках, виды которых зависят от особенностей правовой системы, принятой в конкретном государстве, а также лингвистической системы, обуславливающей конкретные правила (языковые нормы), закрепленные в конкретном литературном языке.

5. *Юридический текст* представляет собой некий особый концептуальный мир, олицетворяющий область должного. Он выступает как такой объект правотворчества, в отношении которого субъект правотворчества прилагает интеллектуальные усилия. Юридический текст имеет три основные составляющие – языковую, логическую и структурную, – которые способствуют передаче и восприятию правовой информации, заключенной в правовом акте. В совокупности эти составляющие предопределяют прагматическую установку текста правового акта, реализация которой зависит от правильности текста правового акта.

6. *Правильность текста правового акта* – это соблюдение системы установок, связанных с надлежащим использо-

ванием структурных, языковых, стилистических, логических и прагматических (целевых) характеристик конкретных текстов.

7. Результатом взаимодействия языка и права в юридическом тексте должна стать *полная объективация информации*, составляющей референцию акта коммуникации, осуществляющейся в правовой сфере общественной жизни, которую можно обеспечить посредством соблюдения требований ясности и точности языка правовых актов.

8. *Ясность языка правового акта* представляет собой абсолютное, объективное свойство, которое выражается в обеспечении идентичного понимания адресатами значений

единиц различных уровней конкретного литературного языка, используемых в законодательном акте.

9. *Точность языка правового акта* – это надлежащее употребление языковых средств в строгом соответствии с правилами, установленными в конкретном современном литературном языке, обеспечивающее такое изложение норм правовых актов, при котором языковая погрешность недопустима.

В докладе на конкретных примерах будет рассмотрена практика соблюдения требований к языку правовых актов, принимаемых (издаваемых) различными органами государственной власти Российской Федерации.

Интертекстуальность как отличительный признак текста права (на материале публикаций юридических журналов)

А. А. Муравьева

Российский университет нефти и газа имени И. М. Губкина, Москва

Интертекстуальность, маркеры интертекстуальности, межтекстовые референции, текст права

Summary. This paper regards the intertextuality as one of important category of juridical text which is open communicative system. This category forms the style and brightly characterizes the peculiarity of texts published in monthly juridical journals.

В научной литературе интертекстуальность рассматривается как важнейшая категориальная характеристика текста, как специфическая стратегия его построения. Под интертекстуальностью мы понимаем отражение взаимодействия «своего» и «чужого» текста», такие диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. Текст права, будучи открытой коммуникативной системой, в плане содержания и в плане выражения регулярно вступает во взаимодействие с текстами разных стилей и жанров: официально-деловыми (текстами законов или иных нормативных актов), научными (и не только юридическими), публицистическими, а нередко и с художественными произведениями, т. е. интертекстуальность может рассматриваться как его дистинктивный признак.

Межтекстовое взаимодействие имеет функционально обусловленный характер, что находит соответствующее выражение в текстах права различных жанров. В них интертекстуальность выступает как тексто- и стилеобразующая категория, а также как композиционно-стилистический прием, который используется для логической аргументации, для оценочно-экспрессивного выражения мнения автора, для эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. Поскольку характер межтекстовых связей определяется функционально-стилистическими особенностями текста, его жанром, научные статьи, статьи-комментарии, полемические статьи, юридические эссе, исторические очерки и т. п. предполагают разнообразные проявления интертекстуальности.

Межтекстовое взаимодействие может быть представлено эксплицитно и имплицитно. В текстах аналитических жанров, тяготеющих к аналитико-обобщенному изложению, преобладают эксплицитные приемы выражения межтекстового взаимодействия. В публикациях художественно-публицистических жанров возможно использование имплицитных маркеров интертекстуальности, включение элементов «чужого» текста в «свой» нередко модифицирует семантику последнего за счет ассоциаций, связанных с предтекстом.

Для аналитических текстов права, как и для научных текстов, характерно использование таких эксплицитных маркеров интертекстуальности, как цитаты, косвенная речь, указание на библиографический источник, фоновые ссылки, сноски, примечания, употребление терминов, дефиниций. Актуализация интертекстуальности в текстах возможна через межтекстовые референции двух типов: 1) вербализующие фрагменты предтекста в поверхностной структуре принимающего текста, которые представлены различными формами экспликации чужой речи: цитатами, косвенной речью и т. п.; 2) отсылающие к предтексту без его воспроизведения, которые представлены фоновыми ссылками, указаниями на библиографический источник и т. п.

Общей особенностью обращения к фонду уже созданных текстов в текстах права аналитических жанров является расширение смысла за счет межтекстовых связей, но отсутствие стремления автора к перекодированию предтекста в новом тексте. Интертекстуальность в них тесно связана с другой текстовой категорией – категорией оценочности. Способы вы-

ражения оценки нередко вносят в текст-реципиент черты научного или публицистического стиля. Плотность маркеров интертекстуальности возрастает в статьях, отличающихся новизной содержания, в текстах полемического характера.

Интертекстуальность текстов права художественно-публицистических жанров, отражающая особенности взаимодействия «своего» и «чужого» текста, находит свое выражение в прямом и косвенном, а иногда и скрытом цитировании (в виде аллюзий, реминисценций и т. п.). Она проявляется зачастую в использовании прецедентных текстов. Интертекстуальность здесь зачастую характеризуется приращением смысла, стремлением автора к переосмыслению предтекста в новом тексте. Аппелируя к фоновым знаниям читателя, автор способствует лучшему восприятию текста. За счет межтекстовых связей происходит воздействие на чувства читателя, порождается сопереживание, вызывается реакция эстетического порядка. Эти публикации характеризуются разнообразием межтекстовых связей. Частотны связи с произведениями русских писателей (М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Л. Толстого, А. П. Чехова, И. Ильфа и Е. Петрова, А. Твардовского и др.), философов (Аристотеля, И. Канта, В. Соловьева и др.), с текстами научными и официально-деловыми. Нередким становится использование литературных, мифологических образов (Дракон из сказки Е. Шварца, Прометей и Фемиды из мифологии). Связь с текстом Библии мы находим в серии публикаций («Библейские заповеди: христианство как метаправо современной правовой системы», «Законодательство Моисея: общая характеристика» и т. п. «Российская юстиция». 2002–2004).

В текстах всех жанров межтекстовые связи с научными и официально-деловыми текстами имеют устойчивый характер. Окациональный характер носит взаимодействие с текстами художественными и публицистическими. Разнообразие и частотность приемов интертекстуальности обуславливает стилистическое своеобразие текста права, становится признаком жанра публикации в юридическом журнале.

Интертекстуальность рассмотренных нами текстов обусловлена их содержанием, отражающим проблемы и явления, зафиксированные в ранее созданных текстах, а также требованиями к текстам права. Оправданное ситуацией общения использование приемов интертекстуальности способствует успешному решению поставленных автором коммуникативных задач. Характер прецедентных текстов становится признаком уровня общей культуры, коммуникативной компетенции автора публицистического произведения. Чем выше этот уровень, тем более внимателен автор к отбору прецедентных текстов. Интертекстуальность обусловлена также состоянием современного языкового сознания, которое «буквально насыщено словесными выражениями, стихотворными строчками и т. д.» и для которого характерна «явная склонность к использованию общеизвестных выражений» (Г. Я. Солганик).

Анализ приемов интертекстуальности текстов права имеет важное прикладное значение, в частности, для экспертно-лингвистической практики.

Русская юридическая терминология: семантика, стандартизация и перевод

М. М. Мушнина

Институт прикладного языковедения и перевода университета земли Саар, Германия

Юридическая терминология, язык права, семантика, юридические тексты

Summary. Legal terminology is the main bearer of the technical knowledge in the field of law. Because of the different functions of legal texts, the application of the legal terminology can differ. It concerns not only the implementation of terms but also the consequence in the application of concept denominations. Therewith is posed a question of the “trustworthiness” of the different types of juridical texts respecting their role as sources of technical information for the lawyer and the legal translator.

Юридическая терминология является важнейшим носителем специальной информации в праве. Различные функции юридических текстов, обусловленные внутренними особенностями и функциями системы права, позволяют предположить различное использование терминологии в юридических текстах. Эти различия стали более очевидными благодаря нескольким годам работы с юридическими текстами, заключающейся первоначально в основном в переводе и анализе переводов юридических текстов.

Предметом настоящего эмпирического исследования юридической терминологии стала семантика русской терминологии права интеллектуальной собственности российского законодательства последних десяти лет. Профессиональная лексика в этой области еще находится в стадии формирования, что затрудняет развитие российской юридической практики и профессиональной коммуникации на международном уровне.

Корпус настоящего исследования включает важнейшие законодательные акты из сферы интеллектуальной собственности, тексты судебных решений (около 400), комментарии законов, научные статьи и учебные пособия, а также специально разработанный русско-немецкий терминологический глоссарий, включающий более 440 словарных статей с подробными лингвистическими и юридическими комментариями к каждому термину.

Целью исследования явилась оценка уровня стандартизации новой терминологии в российском праве интеллекту-

альной собственности, а также описание соотношения наименования и юридического понятия в разных типах юридических текстов. Исследование проводилось как с семасиологической, так и с ономасиологической точек зрения и включило исследование и описание синонимии, полисемии, вариантности, языковой и юридической неопределенности значения, несоответствий наименования понятию, а также особенностей словообразования в изучаемой области. Исследование каждого термина проводилось, кроме того, с учетом его употребления в различных типах текстов.

Исследование подтвердило гипотезы о различном уровне стабильности соотношения наименования и понятия в различных типах текстов, а также о различной степени языковой реализации понятийного объема рассматриваемой области. Полученные результаты обладают высокой практической ценностью. В частности, они могут стать основой для дальнейших исследований и усовершенствования методики специального перевода.

Литература

1. Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003.
2. Birkenmaier W., Mohl I. Russisch als Fachsprache. Tübingen, 1991.
3. Bogomilova Lozanova E. Eine semantisch-pragmatische Analyse der Terminologie des mexikanischen Umweltrechts im Vergleich zur Terminologie des deutschen Umweltrechts // F. Mayer (Hrsg.). Language for Special Purposes: Perspectives for the new millennium. Vol. 2. Tübingen, 2001. S. 719–727.

Лингвоперсонология текста

Н. В. Сайкова

Кемеровский государственный университет

Лингвистическая персонология, языковая личность, антропотекст

Summary. The text is considered as the anthropotext in this paper, so it is considered as the text in which the qualities of the language personality of the author and / or the receptor are shown.

В настоящее время в связи с огромным вниманием лингвистов к человеку, языковой личности ([1], [4]) формируется наука «лингвистическая персонология», о необходимости выделения которой вслед за обобщением философских идей Н. С. Трубецкого, Ш. Ренувье и Э. Мунье писал В. П. Нерознак ([5]). Согласно концепции В. И. Карасика, существует два подхода к исследованию языковой личности: дедуктивный (с позиций личности) и индуктивный (с позиций языка) ([3]), что позволяет Н. Д. Голеву выделить два направления лингвоперсонологии ([2]): персонология в языковом измерении (то есть объектом исследования выступает личность, которая изучается в том числе и в аспекте языковых характеристик), например, в лингвистическом аспекте описываются выделяемые в психологии типы личности по темпераменту или экстравертности / интровертности, и лингвистика в персонологическом измерении (то есть объектом исследования выступает языковой знак (лексема, категория, текст и т. д.), который изучается в аспекте характеристик использующей его языковой личности).

Мы придерживаемся второго подхода, в свете идей которого для выделения типов языковой личности и определения их особенностей эффективен анализ продукта речевой деятельности носителей языка – текста, который выступает как антропотекст (термин Н. Д. Голева). Вторичный текст в этом плане имеет большой гносеологический потенциал, так как дает возможность сопоставления с исходной точкой – вторичным текстом.

Анализ текстового материала выявил наличие двух моделей построения вторичного текста: семасиологической и ономасиологической. В качестве параметров соотношения

исходного и производных текстов можно назвать степень приближенности к первичному тексту по формальной, содержательной и функциональной линиям, направление деривации – усложнение или упрощение по обозначенным параметрам, доминирование субъективного или объективного фактора при развитии текста. В основу типологии может быть положен тип семантических изменений: мутационных, являющихся доминантой для текстов, построенных креативной языковой личностью, и модификационных, созданных копиальной языковой личностью; а также тип результатов деривационных процессов.

Полученные в итоге анализа данные могут быть подвергнуты дальнейшей интерпретации в лингвоперсонологическом ключе, например, с введением гендерного аспекта. Эксперименты показывают, что мальчики тяготеют к созданию текста по ономасиологическому типу, а девочки – по семасиологическому типу, что также находит различное объяснение (во многом дискуссионное), например, в лингводидактическом аспекте: девочки более прилежны, лингвокультурологическом: женщины – хранительницы домашнего очага, их функция – воспитание детей, поэтому они приверженцы традиций, старого, то есть акцент при продуцировании текста ставится на мотивационную часть – исходный текст, что приводит к производству вторичного текста по семасиологическому модели; мужчины, как складывалось исторически, – двигатели прогресса, отсюда – склонность к инновациям, то есть акцент на формант, деривационную часть, которая способствует мутациям и модификациям разного рода, а это приводит к производству текста по ономасиологической модели.

В итоге получается, что исходный текст обладает потенциалом вариативности, который реализуется во вторичном тексте одним из множества возможных способов. Возникает вопрос о детерминантах текстового варьирования. Их поиск приводит к выводу, что текстовая вариативность обуславливается балансом детерминант: объективное – субъективное, системное – текстовое, индивидуальное – типовое – всеобщее. Первая антиномия может выступать как гипероним к двум последующим, в которых системное и текстовое примыкают к полюсу объективного, а индивидуальное – типовое – всеобщее – к полюсу субъективного. В результате можно говорить о том, что семасиологическая и ономасиологическая модели построения вторичного текста являются результатом различного соотношения означающего и означаемого под влиянием двух факторов: субъективного и / или объективного. Тексты, построенные по семасиологической модели, тяготеют к полюсу «объективное» и представляют собой тождественное исходному тексту соотношение означающего и означаемого. Тексты, построенные по ономасиологической модели, тяготеют к полюсу «субъективное» и представляют собой новый тип соотношения означающего и означаемого, не детерминированного формой исходного текста. Единство формы и содержания прослеживается в по-

явлении инноваций и на уровне означаемого, не обусловленных исходным текстом.

Подобной интерпретации в лингвоперсоналогическом аспекте подвергались и другие типы вторичных текстов, исследование проводилось на материале текстов разных стилей и жанров, в настоящее время продолжается выявление параметров лингвоперсоналогического описания текстов и ведется поиск интегральной модели описания вторичных текстов разных типов с возможностью ее проекции и на первичные тексты.

Литература

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Дисс. ... док. филол. наук. Л., 1984.
2. Голев Н. Д. Лингвоперсоналогическая вариативность языка // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, филология, философия и педагогика». 2004. №4. Барнаул, 2004. С. 41–46.
3. Карасик В. И. Языковая личность: перспективы лингвистической персонологии // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики. Тула, 2004. С. 92–99.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004.
5. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М., 1996. С. 112–116.

Толкование закона как особый вид интерпретации

М. А. Ширинкина

Пермский государственный университет

Интерпретация, толкование закона, вторичный текст, речевой жанр

Summary. The author regards law interpretation as a special type. She reveals some mechanisms of interpretation, observing two opposite aspects of this phenomenon: the presence of a stereotyped model of normal law elements and the creative character, defined by the interpreter's individuality and also by his definite intentions.

1. Изначально понятие интерпретации являлось предметом герменевтики. Интерпретацией в герменевтике называли понимание текста, постижение его смысла с учетом опыта, который имеется в сознании человека. При этом «лишь потому, что текст требует этого, дело вообще доходит до толкования, и причем лишь так, как этого требует текст» [1, 546]. Интерпретация характеризуется, с одной стороны, существованием **стереотипных моделей** [3, 42], на которые опирается человек в процессе толкования исходного текста, с другой – **творческим** подходом каждого автора к тексту-источнику, свидетельствующим об индивидуальности интерпретатора и определяемым его конкретными интенциями.

2. В рамках специальных теорий интерпретация осуществляется в соответствии с «**правилами интерпретации**» выражений **данного вида** (выделено нами. – М. Ш.)» [2, 84]. В сфере права, как специальной теории, правила интерпретации законодательного текста проявляются в существовании стереотипной схемы интерпретирования элементов правовой нормы. Элементом правовой нормы мы называем тематические отрезки, моменты, которые важно учитывать для правильного понимания текста (специальные и общеупотребительные термины; сфера действия нормы; круг лиц, на которых распространяется действие данной нормы; временные рамки действия нормы; соответствие нормы ГК РФ и пр.). Однако в каждом конкретном случае интерпретатор выделяет не весь комплекс составляющих этой схемы, что связано с особой установкой данного автора и избранным им типом адресата.

3. В ситуации правотолкования на основе закона создается новый текст, имеющий целью разъяснение законодательных положений. Особенности процесса создания вторичного делового текста обусловлены различными факторами, а именно: 1) спецификой права и соответствующей сферы деятельности, 2) статусом субъекта толкования, 3) статусом адресата, 4) своеобразием объекта интерпретации в праве.

3.1. Основная функция права – регулировать общественные отношения людей. Для этого важно установить **точный** смысл и сферу действия юридических норм, определить их место в общей **системе** правового регулирования. Неточность выражения правовой нормы затрудняет ее понимание субъектами права, приводит к невыполнению ее предписаний, к беззаконию. Процесс правотолкования включает осознание проблем, возникающих в практике применения

разных законов, создание замысла интерпретационного акта, отбор материала, творческую его переработку и воплощение в том или ином интерпретационном акте.

3.2. Субъектами толкования права могут быть как уполномоченные должностные лица органов государственной власти, прокуратуры, юстиции, исполнительно-распорядительных, судебных, арбитражных органов, так и специалисты, занимающиеся теоретической, правотворческой, праворазъяснительной или практической деятельностью в той или иной отрасли права. В правоведении в зависимости от субъекта толкования выделяют официальное и неофициальное толкование. В результате официального правотолкования уполномоченными субъектами издается специальный акт толкования, имеющий юридическую силу. Неофициальное толкование осуществляется государственными органами или отдельными гражданами, не обладающими полномочиями толковать правовые акты, и имеет целью разъяснение смысла юридических норм участникам различных правовых отношений. Официальное толкование находит выражение в формах инструкций, постановлений, «официальных разъяснений», неофициальное – в формах комментариев к законам, консультаций и др.

3.3. Тексты толкования могут быть адресованы нижестоящим подразделениям органов государственной власти, специалистам (юристам, руководителям предприятий, бухгалтерам), отдельным гражданам с индивидуальным уровнем правовых знаний. Автор предусмотрительно вычитывает в тексте закона и действующего законодательства в целом ответы на те вопросы, которые могут быть актуальными для каждого конкретного адресата. Основная задача интерпретатора – сделать **понятным** для адресата смысл той или иной правовой нормы, предписать адресату правила понимания положений законодательства или рекомендовать способы решения возникающих правовых споров.

3.4. Нормы права носят общий и абстрактный характер, в то время как реальные отношения всегда конкретны, имеют ряд индивидуальных особенностей. В каждом конкретном случае нужно выяснить, относится ли данная ситуация к рассматриваемой правовой норме – применить обобщенное содержание юридических норм к индивидуальным ситуациям. Кроме того, в большинстве случаев норма права не выражена в тексте нормативного акта (статьи, пункта, предложения) явно и непосредственно. Тогда субъект толкования

стремится сформулировать норму в «идеальной» форме, т. е. эксплицировать все необходимые элементы – диспозицию, гипотезу, санкцию.

4. Названные параметры коммуникативной ситуации толкования в сфере права обуславливают появление разных **речевых жанров** – Указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, актов толкования Конституции Конституционным Судом РФ, инструкций, разъяснительных писем, комментариев к законодательству, консультативных текстов и др.

5. Таким образом, правовая сфера деятельности с ее стремлением к точности (недопустимости инотолкования) и стандартизованности накладывает ограничения на творческий по своей сути процесс интерпретации. Толкование за-

кона осуществляется по особым правилам и характеризуется с одной стороны, существованием моделей толкования, с другой – творческим подходом каждого автора к тексту-источнику. Все это служит доказательством того, что и в деловом стиле с присущей ему стандартизованностью и ориентированностью на языковые шаблоны есть место проявлению творческих возможностей индивида.

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
2. Демьянков В. З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике. М., 1988.
3. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. 1983.

Общие места и прецедентные тексты в русской судебной речи

Ю. В. Шуйская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Риторика, судебная речь, общие места, придаточные предложения, аргументация

Summary. The report is devoted to the problem of argumentation in Russian speech. The argumentation is viewed as a system of finding arguments according to the key-points of case. This system corresponds to the syntactic system of distributing the sentence. The examples are borrowed from the classic Russian speeches.

Русская судебная речь переживала свой рассвет в конце XIX – начале XX века. К этому периоду относятся имена Ф. Н. Плевако, А. И. Урусова, А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича и многих других великих прокуроров и адвокатов, прославивших русскую юриспруденцию.

Особенность речей этих и других юристов – в их опоре на четкую систему аргументации, которая позволяла автору речи найти нетривиальные и убедительные аргументы. Пишущий текст не обязательно осознал эту систему, однако его опыт в рассмотрении судебных дел, образование и владение словом подсказывало ему такие отправные точки для аргументов, которые могли не прийти в голову его оппоненту.

Рассмотрим, например, дело Сапогова, по которому защитником выступал М. К. Казаринов. Обстоятельства дела были таковы – Сапогов поспорил с незнакомым человеком в бане, получил удар по голове, а спустя три дня разыскал своего обидчика и ударил его шилом. При наличии мотива действия Казаринов сумел добиться оправдания своего подзащитного и признания его невменяемым, указав на следующий факт – причина не соответствует следствию: «В каждом преступлении, совершенном нормальным человеком, мы можем различить: во-первых, достаточный мотив, во-вторых, внутреннюю борьбу человека, замыслившего преступление, с всем запасом его моральных сил, затем всегда налицо чувство самосохранения, рекомендующее человеку совершить преступление наиболее безопасным для себя, обыкновенно тайным способом. И наконец, можем различить со стороны преступника некоторую расчетливость, так сказать, экономию зла. Всякому человеку свойствен ужас перед злом, и никто не станет совершать зло излишнее, а ограничится злом необходимым.

В настоящем деле я не вижу мотива для убийства, не могу уловить ни малейших признаков внутренней борьбы, ни тени чувства самосохранения. Предо мною громадная лужа человеческой крови, и я не могу понять, для чего она пролита.

По моему убеждению, Сапогов – субъект, затронутый душевным недугом, и стоит на границе между преступниками по страсти и преступниками психическими ненормальными» [2, 206.]

В данном случае действие признается неумышленным в связи с отсутствием основания. Помимо основания, есть и другие параметры, позволяющие приписать действие к тому или иному классу или исключить из этого класса. К ним относятся *причина, цель, результат, предпосылки, последствия, предыдущее и последующее*. *Предпосылками* называется то, что задолго до начала действия уже предопределило его возникновение. *Причина* – это непосредственный толчок к действию, основанный на оценке субъектом происходящих событий. *Цель* – то, чего действующий хотел добиться, а *результат* – то, что на самом деле получилось. *Последствия* возникают спустя большой промежуток времени по-

сле данной ситуации – например, 10 лет. *Предыдущее и последующее* – те факты, которые непосредственно предшествуют данному действию или следуют сразу за ним, сигнализируя тем самым о душевном состоянии действующего субъекта.

Так, например, доказывая, что богатая девушка, отдавшая все свое состояние своей бывшей гувернантке, не подарила его, а передала для благотворительности, Ф. Н. Плевако опирается на *предпосылки* – заглядывает в прошлое девушки: «Мне нужно убедить вас, что уезжая, Мазурина не дарила, а только препоручила свои деньги, как фонд своих будущих целей...»

С детства привыкнув тяготиться деньгами, как грехом, с детства стремившаяся ими утешить горе страждущих, глубоко убежденная, что и Булах живет и согрета той же любовью и теми же помыслами, Мазурина не поверила бы, если бы услышала, что Булах стремится к личному обогащению. Дать все свое 300-тысячное состояние ей одной, перенести на нее тот грех и ту тяжесть, которые мучили ее, она не могла, не впадая в непримиримое противоречие. Булах не возьмет, обидится, оскорбится такой черной неблагодарностью. Деньги могут быть на руках Булах только для передачи бедным: ведь они и взяты от них...» [1, 127].

По словам, сказанным перед преступлением, можно понять, с каким человеком мы имеем дело, утверждает специалист по судебной риторике начала XX века П. С. Пороховщиков и в доказательство приводит пример: «Муж, знающий об изменах жены, возвращается домой с работы и спрашивает своего жильца: “Что, моей дуры нет?” Немного погодя, он повторяет вопрос: “Что, Маша не приходила?” Егор Емельянов стучит в окно и кричит покорной и верной Лукерье: “Идешь, что ли? Гей, выходи!”. Тот и другой убили жену, но по простым этим словам можно сказать, что это разные люди» [3, 122]. Точка отправления его аргументации в данном случае – *предыдущее*. Еще ярче о типе личности и душевном состоянии свидетельствует то, что происходило сразу же после преступления, *последующее*: «Господа присяжные заседатели. Кашин убил жену, и, убив ее, среди ночи, кинулся к близким. Пришел прежде всего к тетке Чебровой, которую в почтении величал “бабушкой”, на Белозерскую улицу. Ей он, плача, крикнул: “Прощай, бабушка!” – и прибавил: – “Я, бабушка, жену зарезал; не стерпел больше!”. Оттуда метнулся на Широкую улицу – к матери своей Анне Кашиной, напугал ее своим видом до обморока, так что она тут же лишилась чувств, и успел ей только крикнуть: “Я Валечку зарезал!” – и побежал дальше» [3, 160].

Эти и другие точки отправления аргументации представляют собой разновидности риторических мест, расщепленные предложения для избрания идей и расширения фразы. Иными словами, этот ход мысли использует всякий русский человек, порождая на родном языке сложное предложение с придаточным цели или причины, условия или следствия.

Рассмотрение источников мысли, использующихся в традиционной судебной речи, полезно не только для современных ораторов, говорящих речь в зале суда. Оно помогает выстроить логическую аргументацию и найти такие точки ее отправления, которые не очевидны, однако приносят убедительные соображения в пользу своей точки зрения.

Литература

1. Плевако Ф. Н. Избранные речи. М., 1993. С. 127.
2. Речи известных русских юристов / Сост. П. М. Захаров, Е. П. Черкашина. М., 1985. С. 206.
3. Сергеев П. (Пороховицков П. С.). Искусство речи на суде. М., 1960. С. 122.